

Сергей Королев

В ДРУГ обнаружился стишок, вернее, даже не стишок, а фрагмент поэмы одного самодельного поэта:

С концертом в Сочи к нам великая певица/Святыню русскую — свой пламенный талант несет./Но решено: пяти ее концертам с треском провалиться./И с первого концерта с врачами ее «Волга» увезет.

Впервые я услышал это в 1981 году, в декабре, за два дня до Нового года, в литературной студии на Чистых прудах, где собирались молодые поэты и прозаики. Если мне не изменяет память (времени все-таки прошло немало), поэма называлась «Ночь под пальмами» и представляла собой несколько кустарное оформление мифа об Алле, или, как говаривали в те годы чуть грубоватые наши соотечественники (и особенно соотечественницы), о Пугачихе, отражение беспредельной народной любви.

Кстати, автор этих поэтических строк был вполне серьезным человеком: у него, по его собственному признанию, уже был сдан кандидатский минимум по философии...

ЛЮБОВЬ НАРОДА

Не так давно Пугачеву спросили: как она относится к популярности? Не мешает ли популярность ей жить? «Я не знаю, что такое популярность», — ответила певица. — Я знаю, что такое любовь народа. И я ее боюсь потерять».

Любовь народа — не следствие успеха. Любовь народа — проявление известного состояния русской души, жалости-сострадания и усмотрения в кумире черточек себя. Того, что по-научному называется самоидентификацией.

Рыженькая, лохматенькая, говорящая на сцене сипловатым, прокурорным голосом, в общем — своя. И к тому же хулиганка, власть, начальство ни в грош не ставит, может себе позволить то, чего мы все позволить себе не можем. Вышла на сцену, а чистая номенклатурная публика, генералы там всякие и партийные чиновники, сидят внизу, в зале, за столиками и жует. Ах, вы жрете? Тогда я посижу, подожду. Присяду на стул, здесь же, на сцене. А то — выходите и пойте сами...

Мы себе такого позволить не можем, потому что мы начальства побаиваемся, потому что мы — маленькие люди, песчинки в людском море, и за нами нет силы народной симпатии, и знать нас никто не знает, а она, смелая, порой отчаянная и притом оглушительно талантливая, может себе позволить, а позволив, за это страдать. За нас всех страдает, потому что осуществлять наше тайное, потаенное, мечтаемое: кукиш, вынутый из кармана и показанный власти в натуральном, нескрытом виде.

Но за все в этой жизни надо платить — за успех, за славу, за богатство. Той рыженькой, лохматенькой, живущей где-то у черта на рогах в однокомнатной квартире, уже нет. Нет той Пугачевой, в которой нечто родное и близкое могла увидеть любая пэтзюшница.

Есть Алла Борисовна, выходящая из роскошного белого «Линкольна» с обожающим ее молодым красавцем мужем, владельцем модных магазинчиков, журнала... чего там еще?.. Чуть ли не «заводов, газет, пароходов». Есть Алла Борисовна, сидящая в кабинете министра и популярно объясняющая ему, налоговому министру, почему она считает нецелесообразным платить положенные по закону налоги.

Возможно, Алла Борисовна не изменилась, и женщина, появляющаяся из длинного белого лимузина, — это все та же рыженькая, внутри себя непрактичная, неприкаянная, отчаянно талантливая, но... народ этого не знает и не чувствует.

И она уже не может сказать (показать, сыграть, обозначить): «Я такая же, как вы...» Если она скажет, ей не поверят.

Да, за все надо платить. В том числе и любовью народной, которая не вечна, хотя может тянуть

Алла Пугачева.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

КУМИР В ЭПОХУ КРИЗИСА ВЕРЫ

Диагноз обществу на фоне Аллы Борисовны

очень медленно и долго — совсем как айсберг в океане.

Это нормально и справедливо. В конце концов, есть иные цели и устремления в жизни, чем сохранение любви народной. Есть семья и личная жизнь, есть самореализация в новых сферах деятельности, наконец, покой и воля.

Но нельзя получить все. Или, по крайней мере, все одновременно.

В сердцах живет та, рыженькая-лохматенькая, которую начальство иногда облакивало, иногда пыталось воспитывать. Дама-из-лимузина может сохранить место в сердцах постольку, поскольку старые приверженцы в состоянии разглядеть в ней ту, прежнюю.

ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА ОЛИГАРХИИ

Конечно, Пугачева фантастически талантлива. И, конечно, наша эстрада («попса») чудовищна, и Алла Борисовна — лучшая и вчера, и сегодня, и, наверное, завтра, но посмотрите ТВ — она встроена в этот музыкальный кошмар очень органично. Это чудовищное непостижимым образом разворачивается, организуется и крутится — в прямом и переносном смысле — вокруг Пугачевой.

Со стороны это производит впечатление Клана, Семьи в дон-корлеонском или, если хотите, ельцинском смысле. Мелькание членов этой Семьи раздражает.

Это грустно, но наше сегодняшнее общество так устроено: олигархия везде. Правда, знаки этой олигархии различны — это и железная пята банкира, и острый каблучок прималонны. Потому что власть — феномен не только политический, она, власть, повсюду, не только в Кремле и Белом доме. И иерархия в эстрадной тусовке, вероятно, ничуть не менее жесткая, чем в политике, бизнесе или спорте.

Слияние денег и власти — примета времени. Везде, везде олигархия, будь они не ладны, только масштабом поменьше Потанина или Вяхирева.

СТАРЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

Что думают о нынешней Пугачевой люди с улицы, о чем толку-

ют на кухнях, что говорят слушатели, звонящие на радиостанции, чего ей желают?

Кто-то вспоминает, как он году примерно в 74-м или 75-м сказал жене о Пугачевой: эта девочка выско-око взлетит... Кто-то, расчувствовавшись, рассказывает, как в далекие 70-е он шел по улице, и из всех окон играла песня «Арлекино». Или как Пугачева выступала у них в Доме культуры с ансамблем «Веселые ребята». И как это было здорово.

Воспоминания о днях иных. Почти ретро. Все те же старые песни о главном.

Но очень трудно услышать: «Я бесконечно слушаю песню «Прималонна» и восхищаюсь».

Хотя это по большому счету не имеет значения. «Битлз» любят за то, что они сделали давным-давно, и всего за четыре-пять лет. Творчество — дискретно, жизнь звезды, таланта, гения — череда вспышек и пауз. И здесь, вспоминая известную идею Льва Гумилева, вполне можно говорить о периодах пассионарности и отлива оной.

В сегодняшней Пугачевой угадывается (или это только кажется?) усталость творческая, усталость человеческая, усталость от любви и обожания. И взаимная, зеркальная усталость обожающих. Чего желают своей любимой, несравненной? Конечно, большого, бесконечного счастья. И если когда-то, в незабвенные 70-е, Алла Борисовна, тогда еще просто Алла Пугачева, шутила со сцены: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно с молодым» (это я сам слышал), то сегодня народу, конечно же, хочется верить в киркоровское «Не дожидется». Пускай будет вечно, если ей так хочется.

Хотя звучит, звучит иногда горькая нотка, чуть печальная самонадеянность: «Я подсчитала, что, когда мне будет 69 лет, у меня будет серебряная свадьба с Филиппом...» Сказано это в 1996 г. на серебряной свадьбе Иосифа Кобзона...

ВЛАСТЬ И ТАЛАНТ

Существует миф Аллы Пугачевой, вольной птицы, вырвавшейся из клетки, сработанной веролом-

ной, удушающей все живое системой. Образ борца. Как там говорил Ельцин? «Я полюбил вас тогда, когда вы пошли наперекор тем, кто хотел зажимать, не пускал, чинил препятствия. Я тоже боролся, поэтому у нас есть что-то общее в этом плане». Президент воспроизвел этот миф. Впрочем, неважно, была ли эта борьба или нет. Суть мифа не в том, было или нет. Суть в том, что мифотворцы хотят, чтобы люди верили, а люди, в свою очередь, хотят верить.

Еще один небольшой фрагмент из уже цитированной поэмы:

Концерт окончен, тысячи певицу ждут./Людей тюрьмой, обманом, силой и оружием пугают./И только сотен стойких самых в Аллы честь гремит салют./Кто постелит, прокурором МВД сотрудников зарвавшихся страйкает./Но с прокурором встречи и милиция, понятно, не желает...

Власть в этом поэтически оформленном мифе — подла, она ненавидит, пакостит и распускает грязные слухи (например, что Пугачева пьет и наркоманит/И что ее пластинки никто уж не берет. Нет, даже так: У церкви некто в штатском со злорадством слухи распускает./Что Алла голос сорвала и на машине скрылась поскорей).

Не знаю, можно ли сказать, что у Пугачевой были проблемы с властью, — проблемы были у Козина, Руслановой, Эдди Рознера. Но у власти с Пугачевой проблем не было. Это все-таки не Сахаров и не Солженицын.

Порой даже кажется, что именно сегодня она в каком-то смысле более зависима от власти, чем когда-либо ранее. Вспомним хотя бы прошлогодний вояж в Красноярск в канун губернаторских выборов.

За Зубова, действующего и подерживаемого партией власти из Москвы, — против Лебеда. И стыдливые маловразумительные оговорки, что, мол, Лебеду здесь, в Красноярске, тесно, не его масштаб, и все такое: «Здесь ему нечего делать... мелко плавают».

А теперь представьте себе Аллу Борисовну, которая агитирует за блок коммунистов и беспартийных и лично за товарища Л.И. Брежнева в Бауманском избирательном округе. Трудненько это представить...

Талантливая, знаменитая, богатая и, очень хочется в это верить, наконец-то счастливая... Зачем ей это?

Конечно, если от такой репутации и такой славы отщипнуть кусочек и кинуть его на алтарь победы... как его там? — Зубова — никто и не заметит. Сколько было, столько и останется. Почти.

Как, зачем, почему такие люди ищут и находят свои Красноярски, рискуя репутацией и уважением к себе, можно только гадать. Что-то нужно от власти? Или есть что-то, что можно получить только с помощью власти?

В Красноярске — надо же, надо же, надо ж такому случиться! — Алла Борисовна пересеклась с Аленом Деломом, и получилось очень обидно. Он как всегда — на сцене, в центре внимания, она — не то чтобы в массовке, но... но просто непонятно где, потому что непонятно с кем, зачем и почему. А ведь могла бы составить с ним великолепный дуэт, наподобие того, что Делон составил некогда с Далидой («Paroles, paroles...»). Дуэт, где нет сомнительного политического привкуса.

Властям предпочитаем Пугачева не помогла. Убогая гипотеза о том, что любовь народную можно присвоить и конвертировать в голоса, не подтвердилась. То ли любовь уже не столь пламенная, то ли механизм конвертации более сложен, чем представлялось...

И вот она стоит перед президентом, в черном костюме, как на похоронах, в немыслимо длинной юбке, руки в карманах жакета, и тут же — Киркоров — Волошин — Юдашкин, три бога-

тыря, смотрящиеся чрезвычайно экзотично на фоне кремлевского задника.

Церемония — индивидуальная, эксклюзивная, только для нее одной, никаких там привходящих космонавтов или генералов...

Впрочем, один остроумный москвич выразился примерно так: «Хорошо, что Алла Борисовна не отказалась от ордена, как Солженицын. Но кто знает, какие фигуры из пальцев она держала в карманах?»

Народ вдруг стал подозревать, что Алла стала держать фигуру из трех пальцев в кармане, не показывая его власти, — как все мы 20 лет назад.

ОХЛАЖДЕНИЕ ЧУВСТВ

Лет двадцать назад народ обожал Пугачеву, верил Высоцкому.

Высоцкий был пророком, а пророков, ясновидцев (как и очевидцев) «во все века сжигали люди на кострах». В прямом или хотя бы переносном смысле.

Пугачева — не пророк, ее роль — кумир, идол. Как Бобер, как Стрелец, как молодой Миша Таль. Идола не сжигают, идола носят на руках.

Потом Высоцкого не стало — и верили уже совсем другим людям. Верили Горбачеву. Потом верили Гляну и Иванову. И Ельцину, который приезжал на работу в «Москвичонке» своего зятя.

Потом связь времен распалась, и вера обломилась.

Народ не верит, не любит, не восхищается. Не обожает.

Некий проницательный человек из числа слушателей одной популярной радиостанции сказал, что если бы надо было написать портрет Пугачевой, он бы заказал Сурикову новую версию «Боярыни Морозовой».

«Боярыня» — это фанатичные приверженцы, ненавистники и равнодушные. Судьба любого большого таланта, любой крупной личности.

Ненавистников и недоброжелателей немало. Не все любят талантливых людей. Завидуют. Комплексуют. Встречались даже такие экземпляры, что требовали выдать к известному юбилею виновнице торжества не миллион роз, а миллион розов.

Но я сейчас не о них, болезных, а о дрейфе некогда любящих в ряды почти равнодушных, о превращении верующих — в лишенных веры. Еще раз повторю: за все приходится платить.

В канун памятного дня 15 апреля 1999 года и в самый вечер юбилея многие СМИ спрашивали, что бы их слушатели, зрители, читатели подарили Алле Борисовне. И один остроумный человек, прозвонившись на радио, сказал: «Я бы лучше ей что-нибудь продал». Любит он или не любит Аллу Борисовну — это отдельный вопрос, но лет 15–20 назад подобный ответ едва ли пришел бы в голову и фанатам и ненавистникам...

Так что?.. Снова стать бедной, одинокой, несчастной? Болеть за чужие успехи, содрогаться от неблагодарности? Не дай Бог. Да и, как пела некогда сама Алла Борисовна, — «жизнь невозможно повернуть назад»...

Говорят, что Пугачева канонизирована. В этом есть доля правды. Канонизация есть истощение стихийного народного чувства и начало какого-то иного типа отношения.

Но национальных символов, героев, кумиров у страны, где нет национальной идеи, быть не может.

Кумир — это то, в чем воплощается некоторая идея, мечта, всеобщие ожидания, даже не вполне осознанные.

В 70–80-е, правда, национальная идея тоже не было, но было ощущение, предвосхищение... Некая правда чувства, которая противостояла неправде социального мифа о самом справедливом и потенциально самом совершенном обществе.

Нет пророков в своем отечестве. В нашем отечестве. Уже нет. И нет кумиров.

Констатация этого печального обстоятельства — не попытка уязвить Аллу Пугачеву, а скорее, диагноз обществу.